

Г. СЕНКЕВИЧ

Р 30841

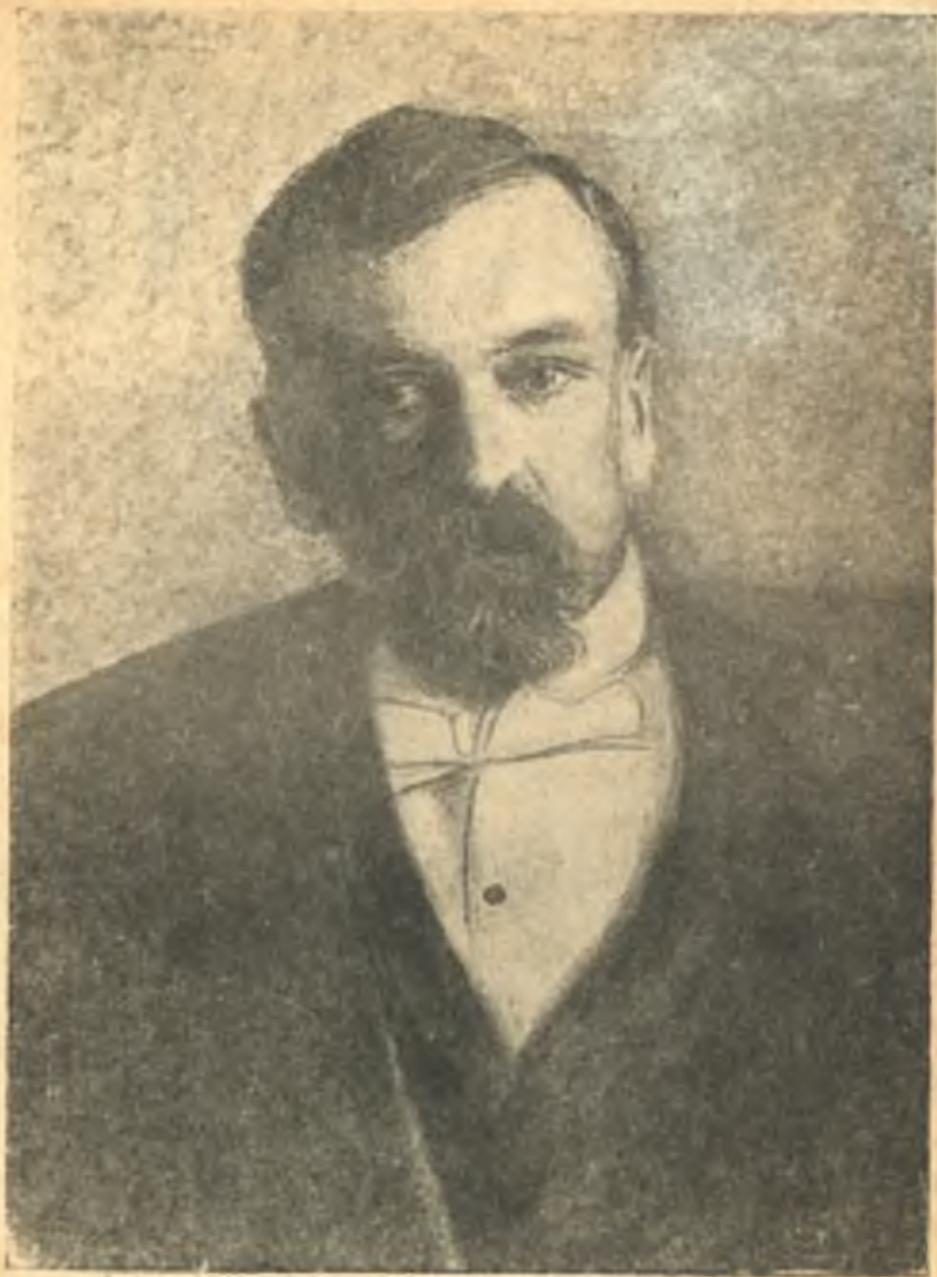
**ДАРТЕК-
ПОБЕДИТЕЛЬ**

ГОСЛИТИЗДАТ

1942

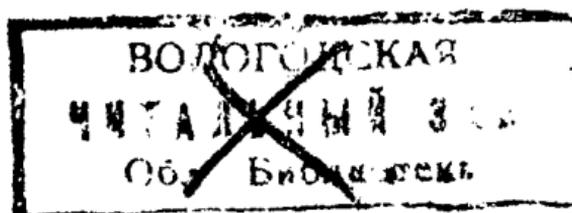
Генрих Сенкевич

Генрих Сенкевич

БАРТЕК ПОБЕДИТЕЛЬ

*Перевод с польского
С. Михайловой-Штерн*

30841

ОГИЗ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1942

с 31 + номерная

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор настоящего рассказа Генрих Сенкевич — крупнейший польский писатель-прозаик прошлого века. Имя его широко известно за пределами его родины, его произведения издавались и переиздавались на многих языках.

Генрих Сенкевич родился в старинном родовом имении близ Радомы в 1845 году. Его дед принимал участие в походах Наполеона, отец бился в рядах повстанцев в 1830—1831 годах, старший брат сражался в войсках гарибальдийцев. Юноша Сенкевич проводил много времени в обширной библиотеке родителей; особенное его внимание привлекала история Польши и польская литература. Основные мотивы его творчества — изображение героического прошлого польского народа и борьба за польскую культуру — зародились уже в юности.

Среднее и высшее образование Генрих Сенкевич получил в Варшаве, где кончил знаменитую в то время «Главную школу» по историко-филологическому факультету. Позднее он много путешествовал, изъездил всю Европу, подолгу жил в разных странах, побывал в Америке и даже в Африке. Умер в 1916 году в Швейцарии.

Сенкевич всю жизнь занимался литературой. В 17-летнем возрасте он напечатал свои первые рассказы. Литературная общественность быстро признала талантливого новеллиста. Первые произведения Сенкевича были написаны под влиянием Тургенева (особенно таких произведений великого русского писателя как «Записки

охотника», «Первая любовь», «Вешние воды») и Мопассана. В восьмидесятих годах Сенкевич становится любимым национальным писателем; выходят в свет три части знаменитой трилогии Сенкевича: «Огнем и мечом», «Потоп» и «Пан Володыевский». Яркими красками на большом полотне, рукой истинного мастера рисует Сенкевич в этих трех романах Польшу XVII века в период напряженной борьбы за ее национальную независимость. Эта трилогия — героическая эпопея польского народа. Выдающееся мастерство и глубокий национальный характер сразу сделали трилогию любимым художественным произведением соотечественников Сенкевича и принесли автору мировую известность.

Сенкевич отражал в своих произведениях многовековую борьбу поляков с немцами. Роман Сенкевича «Крестоносцы», не менее популярный, чем романы, вошедшие в состав его трилогии, рисует борьбу поляков с немецкими рыцарями, с орденом крестоносцев. В целом ряде других произведений, очерков, рассказов Сенкевич изображает яркими красками тяжелое положение поляков, оказавшихся под властью немцев в областях Польши, принадлежавших Германии по решению Венского конгресса 1815 года.

К числу особенно удачных произведений принадлежит рассказ Сенкевича «Бартек-победитель». Этот рассказ — одно из первых произведений Сенкевича; напечатанный в 70-х годах прошлого века, он произвел огромное впечатление на современников. Переведенный тотчас же на многие языки, он привлек внимание всего мира к тяжелой драме польского народа, томившегося под властью немцев. С мастерством большого художника, переплетая героическое с обыденным, Сенкевич дал в этом маленьком рассказе необыкновенно яркую картину польского бесправия в Пруссии.

Перед нами рядовой польский крестьянин Бартек. Когда Пруссия начала войну с Францией (1870), Бартек был отправлен на фронт, чтобы бороться за преуспевание чуждой, даже враждебной ему Пруссии.

Он даже не знал, с кем и за что ему нужно воевать.

Но немцы умели заставить наивного Бартека слушать им: когда начинается бой и надо идти в атаку

специально для таких Бартеков играют польский национальный гимн, — и это достигает цели: поляки храбро бросаются в бой.

— Им только это и надо играть, — цинично говорит немецкий офицер.

Богатырь Бартек показывает чудеса храбрости: благодаря ему немцы выиграли сражение, он захватывает два французских знамени, его награждают железным крестом.

Таков Бартек на войне: он герой. Но в дальнейшем мы видим Бартека дома — в польской деревне, где господствуют пруссаки.

С крестом на груди израненный Бартек вернулся домой. Пока он воевал за немцев, семья его обнищала, попала в кабалу к немцу-колонисту, а раненый Бартек не может работать, чтобы выплатить долг. Потом новое горе. Немец-учитель ударил сына Бартека; Бартек пошел объясняться с учителем. Наглый немец, сознавая бесправное положение поляков, обозвал героя Бартека «польским хамом», а потом размахнулся и ударил его по щеке. Началась драка. Подоспевшие немцы-колонисты избили Бартека.

Но и это еще только начало. Бартек, сознавая свою правоту, был уверен, что суд, куда потащили его немцы, его оправдает. Тем более, что он ведь герой! «Со всеми своими крестами на груди Бартек ехал в суд, как триумфатор». Но, увы, его ждало разочарование. Это был немецкий суд. И Бартек был приговорен к трем месяцам тюрьмы и крупному денежному штрафу... Тяжела была жизнь Бартека и после тюрьмы. Издевательств немцев продолжались. Измученный Бартек вместе с женой и ребенком должен был покинуть родную деревню.

Таково содержание маленького рассказа Сенкевича. Автор ярко показал весь ужас положения подчиненных немцам поляков и истинную сущность отношения немцев к побежденным ими народам, особенно к славянам. Но всегда в многовековой истории этих народов, когда притеснения немцев становились невыносимыми, славяне наносили своим угнетателям сокрушительный удар. Так могучим ударом отбросил немцев Александр Невский, так уничтожающий разгром на-

несли немцам объединенные славянские войска в великом Грюнвальдском бою. Такая же участь ждет всю грабительскую армию кровавого Гитлера. Современные Бартеки выросли в народных мстителей, в настоящих победителей.

Н. Греков.

БАРТЕК-ПОБЕДИТЕЛЬ

I

Герой моего рассказа назывался Бартек Словик¹, но так как он имел обыкновение тарашить глаза, когда с ним разговаривали, то соседи называли его Бартек Пучеглазый. Правду сказать, с соловьем у него было мало общего, а за свои умственные достоинства и поразительную наивность он получил еще третье прозвище: Глупый Бартек.

Бартек был родом из деревни Подгнетово. Деревень с таким же названием не мало можно встретить как в княжестве Познанском, так и в других областях прежней Польши. Хозяйство Бартека состояло из земли, хаты, пары коров, пегой лошади и жены Магды. Жилось ему как бог пошлет, и только тогда, когда бог послал войну, Бартек встревожился. Пришло уведомление, что надо идти в солдаты, значит бросить хату, землю и сдать все хозяйство под бабью опеку. Жители Подгнетова были довольно бедные. Зимой Бартек ходил на фабрику, за-

¹ Словик — по польски значит соловей.

работанные там деньги являлись немалым подспорьем для его хозяйства — а теперь что будет? Кто знает, когда кончится война с французом?¹ Магда, прочитав призывной лист, стала проклинать немцев: «А чтоб они сгибли, чтоб они ослепли!.. Хоть ты и дурень, Бартек, но все же мне жаль тебя: уж французы не дадут тебе спуска и голову тебе таки срубят!»

Бартек понимал, что баба говорит правду. Он и сам боялся французов, как огня, да и притом ему было грустно. Что дурного сделали ему французы? и чего он туда пойдет, на эту страшную чужбину, где нет у него ни одной близкой души? Бартек обнял жену, потом десятилетнего сына Франека, сплюнул, перекрестился и вышел из хаты, Магда за ним. Особенно нежного прощания не было, жена и сын плакали, а Бартек только повторял одно: «Ну, будет, будет!» — и так они вышли на большую дорогу. Тогда только они убедились, что во всем Подгнетове происходило то же самое. Вся деревня высыпала, и все идут к ближайшей железнодорожной станции, а бабы, дети, старцы и собаки провожают их. Призванным запасным тяжело на сердце.

Бабы держатся за своих мужей — «солдатиков», плачут и проклинают, собаки лают, колокола звонят во-всю. Священник читает молитвы за умирающих, ибо ведь многие из тех, что теперь идут на станцию, может

¹ Франко-прусская война 1870—1871 гг.

быть, и не вернуться домой. Война берет их всех, но далеко не всех отдает.

Станция! Отовсюду прибывают еще более значительные толпы народа: запасных и провожатых.

В зале дым из трубок наполняет воздух. Все ходят, зовут, кричат. На платформе раздается немецкая команда — краткая, твердая, решительная.

Первый звонок. Слышится свист и далекое пыхтение паровоза — все ближе и ближе, чудится, будто это сама война приближается.

Второй звонок! Дрожь пробегает у всех собравшихся. Слышится крик: «Едут, едут!» Женщины подхватывают это слово и восклицают: «Едут!» Поезд останавливается. Во всех окнах виднеются фуражки с красными околышами и мундиры. Войска целый муравейник. На платформах чернеют пушки, блестят штыки. Солдатам, повидимому, приказано петь, и весь поезд дрожит от сильных мужских голосов. Какая-то сила и мощь чувствуется в этом поезде, конца которого не видать.

На платформе рекрутов строят в ряды; у кого есть время, тот все еще прощается. Бартек махнул своими могучими ручищами, словно крыльями ветряной мельницы, и вытарашил глаза.

— Ну, Магда, будь здорова!

— Ах ты, мой бедняга!

— Ты уж меня больше не увидишь!

— Уж не увижу я тебя, не увижу!

— Ничего не поделаешь!

— Да хранит тебя мать божия...

— Будь здорова! Смотри за хозяйством. Ваба со слезами обхватила его шею руками.
— Да хранит тебя бог!

Наступает последняя минута. Стоны, плач и рыдания женщин на время заглушают все. «Будьте здоровы! Будьте здоровы!» Но запасные уже отделены от беспорядочной толпы и построены в шеренгу. Вскоре раздается команда: «Садиться!» Шеренга исчезает внутри вагонов. Вдали свищет паровоз и выбрасывает клубы серого дыма. Он дышит теперь, словно чудовищный сказочный дракон, и выпускает струи пара. Плач и рыдания женщин усиливаются.

Внезапно вагоны дрогнули и двинулись.

— Помни, что у тебя жена и ребенок! — кричала Магда, еле поспевая за вагоном. — Будь здоров, во имя отца и сына и святого духа! Будь здоров...

Поезд двигался все быстрее и быстрее и увозил воинов из Подгнетова, из обеих Кривд — Кривды Верхней и Кривды Нижней, из Недоли и Мизерова.

В одну сторону возвращается в Подгнетово Магда с толпою баб и плачет; в другую сторону света мчится в серую даль поезд, вооруженный штыками, а в нем — Бартек. Серой дали конца нет, Подгнетово тоже еле видно. Едва виднеется большая старая липа да колокольня костела, золоченый крест которого ярко сияет на солнце. Вскоре липа исчезла в дали, а золоченый крест кажется одной маленькой блестящей точкой. Пока блестела эта точка, до тех пор Бартек не

сводил с нее глаз, но когда и она исчезла окончательно, горю Бартека, казалось, не было конца. Его охватила великая слабость, ему казалось, что он уже окончательно погиб.

— Слушай-ка, Бартек...

Бартек повернул на зов лицо с задумчивыми, вытаращенными глазами.

— Чего глядишь, точно теленок, которого ведут на бойню, — прошептал сосед его Войтек Гвиздала. — Правду сказать, так ты, бедняга, действительно идешь на бойню...

— Ой, ой! — застонал Бартек.

— Боишься? — спрашивал Гвиздала.

— А как же не бояться...

Заря стала еще более багровой. Гвиздала указал на нее рукой и тихо сказал:

— Видишь этот свет? Знаешь, дурак, что это такое? Это кровь. Здесь Польша, стало быть родина наша, понял? А там далеко, где вон сияет, там и есть Франция...

— Скоро мы туда приедем?

— А тебе спешно? Сказывают, будто страсть далеко. Ну, ты не бойся, французы сами пойдут на нас...

Бартек стал усиленно работать своей подгнетовской головой. И затем после минутного молчания спросил:

— Войтек?

— Чего тебе?

— Скажи ты мне, что это за народ французы?

Тут ученость Войтека внезапно увидела перед собой пропасть, в которую ей гораздо легче было попасть вниз головой, чем вы-

браться обратно. Он знал только одно, что французы — это французы. Кое-что слышал о них от стариков, которые рассказывали, что они всегда всех били; наконец знал он, что это какие-то совсем чужие люди, но как объяснить это Бартеку, чтобы и он понял, до какой степени французы чужие?

Прежде всего он повторил вопрос Бартека:

— Что это за народ?

— Ну да.

Войтек знал только три народа: в середине «поляки», с одной стороны «русские», а с другой — «немцы». Но немцев были разные сорта. Вследствие этого, желая выразиться скорее ясно, чем точно, он сказал:

— Что за народ французы? Да как тебе сказать: должно быть, такие же, как немцы, только еще хуже...

— О, боже, — заметил Бартек.

Однако он еще не все понял. Раньше по отношению к французам он испытывал только чувство страха, а теперь в душе его неведомо откуда проснулась более определенная, как бы патриотическая, неприязнь. И потом он опять спросил:

— Стало быть, немцы будут воевать с немцами?

— А разве твой Лысый с моим Бурым не грызутся?

Бартек раскрыл глаза и с минуту смотрел на своего учителя.

— А ведь правда... — заметил он.

— Французы никогда ни одной войны не проиграли. Француз как пристанет к тебе,

так уж не отстанет, уж не вывернешься, не беспокойся. Каждый ихний мужик вдвое, втрое больше нашего, а бороды у них длинные, точно у евреев. Иной попадетя черный, как чорт! Такого коли увидишь, так уж молись богу!

— Ну, так зачем нам итти к ним? — с отчаянием спрашивает Бартек.

— Я бы тоже не хотел итти. Но не пойдём мы, так придут они. Ничего не поделаешь. Ты читал, что было напечатано? Они больше всего сердиты на наших мужиков; люди сказывают, будто они потому так зарятся на здешние земли, что хотели провозить из Царства Польского контрабандным путем водку, а здешнее правительство не позволяет, оттого и занялась война. Теперь понимаешь?

— Отчего не понять, — сказал Бартек, смиряясь.

Прошел час, другой. Из трубы паровоза вылетали миллионы искр, скрещиваясь между собою в темноте. Бартек долго не мог заснуть: как искры в воздухе, так и в его голове мелькали разные мысли о войне, о Магде, о Подгнетове, французах и немцах. Ему казалось, что если бы он даже хотел, то уже не в силах был бы подняться со скамьи, на которой сидел. Наконец Бартек уснул нездоровым полусном.

II

Участие в генеральном сражении при Гравелоте на первых порах заставило думать Бартека, что в битве есть на что глазеть, но

совершенно нечего делать. Сначала ему и его полку с ружьями на плече было приказано стоять у подножья холма, поросшего виноградниками. Вдали гремели пушки, вблизи пронеслись конные полки с таким топотом, что земля дрожала, и мелькали то значки, то кирасирские палаши. Над холмом, в лазуревой вышине, в форме белых облачков, с шипением пролетали гранаты, затем дым наполнил воздух и покрыл горизонт. Казалось, что битва, как буря, проходит стороной, но это продолжалось недолго.

Спустя некоторое время около полка Бартека началось какое-то странное движение. Рядом с ним становились другие полки, а в промежутки между ними во весь опор подъезжали орудия, которые поспешно снимали с передков и поворачивали жерлами по направлению к холму.

Вся долина заполнилась войском. Всюду слышатся слова команды, от отряда к отряду скачут адъютанты. Наши рядовые шепчут друг другу на ухо: «Ой, будет нам, будет!», или с беспокойством спрашивают один другого: «Разве уже начинается?» — «Должно быть». Вот приближается неизвестность, загадка, может быть смерть... В дыму, которым заволочло холмы, что-то страшное шипит и гудит. Все ближе слышится мощный гул орудий и резкие, отрывистые звуки ружейных выстрелов. Издали доносится какой-то неясный треск, — это картечницы палят. Внезапно грянули только что поставленные орудия, и с такой силой, что земля и воздух

дрогнули. Перед полком Бартека зашипело что-то страшное. Все глянули вверх: летит не то багровая роза, не то маленькая тучка, а в тучке что-то шипит, смеется, скрежещет, ржет и воет. Солдаты кричат: «Граната! Граната!» Птица войны несется, как вихрь, приближается, наконец падает и лопается. Раздается страшный грохот, в рядах, стоящих поближе к орудиям, происходит замешательство, слышатся крики и команда: «Слушай!» Бартек стоит в первой шеренге: ружье на плече, голова приподнята вверх, подбородок стянут ремнем каски, и потому зубы у него не могут стучать от страха. Нельзя вздрагивать, нельзя стрелять, надо стоять и ждать. А тут летит и вторая граната, третья, четвертая, десятая. Ветер рассеивает дым с холма. Французы уже согнали с него прусскую батарею, поставили свою и обстреливают долину. Ежеминутно из чащи виноградников вылетают длинные белые клубы дыма. Пехота под прикрытием артиллерии спускается ниже, чтобы начать ружейный огонь. Она уже спустилась до половины холма. Теперь пехоту отлично видать, так как ветер отбрасывает в сторону дым. Что это виноград расцвел маком? Нет, это красные шапки пехотинцев. Внезапно они скрываются среди виноградных лоз, их уже не видать, только кое-где развеваются трехцветные знамена. Начинается ружейный огонь, частый, лихорадочный, внезапно раздающийся то в одних, то в других местах. Над этим огнем постоянно воют и скреживаются в воздухе гра-

наты. На холме время от времени раздаются крики, которым снизу отвечает немецкое «ура!»... Пушки, стоящие в долине, поддерживают непрерывный огонь.

Полк, в котором находился Бартек, стоит неподвижно.

Но постепенно сфера огня начинает захватывать и его. Вдали пули жужжат, точно мухи или шмели, а вблизи пролетают с страшным свистом. Их все больше: вот они свищут вокруг голов, носов, глаз, плеч, несутся сотнями, тысячами. Удивительно, что все еще стоят на ногах. Внезапно тут же за Бартеком раздается стон, потом опять стон. Наконец стоны раздаются непрерывно, слышится поспешная команда, пули свистят все чаще. Убитых вытаскивают из рядов за ноги. Суд господний!

— Боишься? — спрашивает Войтек.

— А как же не бояться!.. — отвечает наш герой, щелкая зубами.

Однако стоят они оба, и Бартек и Войтек, и им в голову даже не приходит мысль о том, что можно удрать. Им велено стоять, и баста! Бартек не боится так, как боялись бы тысячи других людей на его месте. Дисциплина властвует над его воображением, а воображение его не рисует положение уж таким ужасным, как оно есть в действительности. Бартек все-таки полагает, что его убьют, и делится этой мыслью с Войтеком.

— Дыры в небе не сделается, коли одного

дурня убьют! — отвечает злым голосом Войтек.

Слова эти значительно успокаивают Бартека. Казалось, что главным образом его и интересовало, не будет ли от этого дыры в небе. Успокоенный в своих сомнениях, он терпеливо стоит на месте и чувствует только, что ему очень жарко, что пот струится по его лицу. Ружейный огонь становится до того убийственным, что ряды положительно на глазах тают. Уже некому уносить убитых и раненых. Хрипение умирающих сливается с гулом снарядов и грохотом выстрелов. По движению трехцветных знамен видать, что скрытые в винограднике пехотинцы приближаются. Картечь в рядах солдат, которыми, наконец, начинает овладевать отчаяние, производит страшное опустошение.

Но в отголосках этого отчаяния слышатся нетерпение и ярость. Если бы солдатам сейчас приказали идти вперед, они помчались бы, как буря.

Один из солдат неожиданно срывает с головы шапку, с силой швыряет ее об землю и восклицает:

— Раз козе смерть!

На взмыленном коне подъезжает к их полку адъютант, и тотчас же раздается команда: «В атаку, ружья наперевес, вперед!» Лес штыков склоняется, шеренги вытягиваются длинной вереницей, бросаются к холмам искать штыками того неприятеля, которого до сих пор не могли заметить глазами. До подножья холма остается еще шагов

двести, но это расстояние им надо пройти под убийственным огнем...

Не погибнут ли они окончательно, не отступят ли? Погибнуть могут, но не отступят, так как немцы хорошо знают, какую песню надо играть этим польским мужикам во время атаки. И вот среди грохота орудий, ружейного огня, дыма, замешательства и стонов раздаются громкие трубные звуки, и к небу несется польский гимн, от которого кровь закипает в груди. «Ура!» — отвечают Матвеи, Бартеки и Войтеки. — «Пока мы живем!» Ими овладевает энтузиазм, лица их пылают. Они несутся, словно буря, через людские тела, лошадиные трупы, обломки орудий. Поляки гибнут, но гибнут с криком и пением. Вот они достигают уже виноградников и исчезают в их чаще. Вверху огонь становится все страшнее, а внизу слышатся громкие трубные звуки. Залпы французов учащаются, становятся неровными, лихорадочными и внезапно...

Внезапно умолкают.

Там, внизу, старый военный волк Штейнмец закуривает фарфоровую трубку и весело замечает:

— Им только это и надо играть! Дорвались молодцы.

Действительно, вскоре одно из гордо развевающихся трехцветных знамен взлетает вверх и затем падает.

— Не шутят! — говорит Штейнмец.

Трубы продолжают играть польский гимн.

Второй познанский полк идет на помощь первому.

В виноградниках кипит штыковой бой.

Теперь, муза, воспой моего Бартека. Чтобы потомство надолго сохранило память о его делах. В его душе страх, нетерпение, отчаяние слились в одно чувство бешенства, а когда он услышал звуки гимна, то все жилы его натянулись, как железная проволока. Волосы стали дыбом, глаза засверкали, он забыл обо всем на свете, забыл и о том, что «раз козе смерть», схватил в свои могучие руки ружье и бросился вперед вместе со своими товарищами. По дороге он упал раз десять, разбил нос, испачкался землей и кровью, которая потекла из носу, и, задыхаясь, бежал вперед, бешеный и покрытый потом. Он тарасил глаза, чтобы как можно скорее увидеть в чаще какого-нибудь француза, и, наконец, увидел троих сразу около знамени. Это были тюркосы! Но не думаете ли вы, что Бартек отступил? Нет! Он теперь был в таком состоянии, что самого сатану ухватил бы за рога, если бы тот попался ему под руку. Он подбежал к ним, и тюркосы с воём кинулись на него: два штыка, как два жала, вот-вот уже проколют его насквозь, но мой Бартек как схватит ружье с тонкого конца да махнет прикладом тюркосов раз, потом другой... В ответ послышался лишь страшный стон, и два павших черных тела забились в конвульсиях на земле.

В эту минуту к третьему тюркосу, державшему знамя, подбежали на помощь человек

десять товарищей. Бартек, как безумный, бросился на всех них. Раздались выстрелы, и в клубах дыма загремел хриплый рев Бартека:

— Промахнулись!

Ружье его описало страшный круг, и опять в ответ его ударам раздались стоны. Тюркосы при виде этого обезумевшего от ярости великана подались назад.

Бартек одним прыжком очутился среди неприятелей.

По счастью, в эту минуту к нему прибежали на помощь другие Матвеи, Войтеки и Бартеки. В чаще виноградников завязался рукопашный бой, в котором слышались лишь треск ружей, прерывистое дыхание сражающихся и стоны раненых. Бартек свирепствовал, словно буря. Почерневший от порохового дыма, залитый кровью, более похожий на зверя, чем на человека, он каждым своим ударом валил людей с ног, ломал ружья, расшибал головы. Руки его двигались с неумолимой быстротой машины, сеющей гибель. Добравшись до знаменщика, он словно железными клещами схватил его пальцами за горло. Глаза знаменщика выкатились на лоб, лицо посинело, он захрипел и выпустил из рук древко.

— Ура! — крикнул Бартек и, подняв знамя, замахал им в воздухе.

Вот это-то поднимающееся и опускающееся знамя видел генерал Штейнмец.

Но он видел его только один миг, ибо Бартек тотчас же этим самым знаменем раз-

можил чью-то голову, покрытую шапкой с золотым шнуром.

Тем временем товарищи его уже бросились вперед.

Бартек остался один. Он сорвал знамя, спрятал его за пазуху, а потом схватил в обе руки древко и побежал вслед за своими товарищами.

Тюркосы, воя нечеловеческими голосами, бежали к стоящим на вершине холма орудиям, а за ними мчались Матвей, Бартеки, Войтеки, крича и поражая неприятеля штыками и прикладами.

Зуавы, стоящие возле орудий, приветствовали тех и других ружейным огнем.

— Ура! — кричал Бартек.

Поляки кинулись на батарею, возле которой опять закипел бой холодным оружием. Второй познанский полк прибежал на помощь первому. Древко знамени в могучих лапах Бартека превратилось в какой-то адский цеп. Каждый его удар пробивал широкую дорогу в сомкнутых рядах французов. Ужас охватывал зуавов и тюркосов. Там, где сражался Бартек, они отступали. Вскоре Бартек первый уже сидел верхом на пушке, словно на подгнетовской кобыле.

Но не успели солдаты оглянуться, как он уже сидел на другой, возле которой свалил знаменщика со знаменем.

— Ура, Бартек! — кричали солдаты.

Победа полная! Захвачено несколько картечных. Отступающая французская пехота на

той стороне холма наткнулась на другой прусский полк и сложила оружие.

Бартек во время бегства французов захватил еще одно знамя.

Надо было его видеть, когда он, усталый, залитый потом и кровью, пыхтя, словно кузнечный мех, спускался вместе со своими товарищами с холма; неся на плечах три знамени. Рядом с ним плелся исполосованный и израненный Войтек.

— Что ты болтал? — говорил Бартек. — Ведь это червяки; у них нет никакой силы в костях. Поцарапали меня и тебя, как котята, вот и все. А уж которого толькохватишь как следует, так тот и растянулся.

— Кто же знал, что ты такой отчаянный, — возражал Войтек, который, видя подвиги Бартека, стал смотреть на него совсем иными глазами.

Но кто же не видел этих подвигов? История, весь полк и большинство офицеров. Все с удивлением смотрели на этого усатого мужика-великана с вытаращенными глазами. «Ach! die verfluchten Polaki!»¹, — сказал ему сам майор, взяв его за ухо, а Бартек от радости раскрыл рот от уха до уха. Когда полк снова выстроился у подножия холма, майор показал его полковнику, а полковник — самому Штейнмецу.

— Откуда ты родом? — спрашивает генерал.

— Из Подгнетова, — отвечает Бартек.

— Хорошо. Как тебя звать?

¹ Ах! Проклятые поляки,

— Бартек Словик.

— Кто сегодня выиграл сражение? — спрашивает генерал.

— Я, ваше превосходительство! — без колебания отвечает Бартек.

— Да, да, ты! — улыбаясь, подтверждает Штейнмец. — И вот тебе награда.

Старый воин снимает с своей груди железный крест и прикалывает его Бартеку. После отъезда генерала полковник дает Бартеку десять талеров, майор — пять, и так далее. Все, смеясь, повторяют ему, что он выиграл битву, и Бартек от радости чувствует себя на седьмом небе.

III

Прошло немало времени. Наступила уже весна. В Подгнетове в садах цвели вишни, зеленели поля. Однажды Магда, сидя перед своей хатой, чистила на обед картофель, который по виду больше годился для скота, чем для людей. Но дело было весеннее, и в Подгнетово уже заглянула беда. Видать это было по почерневшему и озабоченному лицу Магды. Может быть, для того, чтобы немного рассеять заботу, женщина время от времени закрывала глаза и пела песню.

На черешнях щебетали воробьи, как бы желая заглушить голос, а она, напевая, задумчиво посматривала то на спящую на солнце собаку, то на дорогу, то на тропинку, идущую от дороги через огород и поля. Возможно, что Магда посматривала на тропинку

оттого, что та тянулась напрямиком к железнодорожной станции; и действительно, как раз так и вышло, что в этот день она смотрела не напрасно. В отдалении показалась какая-то фигура. Магда стала всматриваться, но солнце сияло так, что ничего нельзя было разглядеть. Лысый проснулся, поднял голову и стал прислушиваться. В то же время до слуха Магды донеслась какая-то песня. Лысый вскочил и во весь дух понесся к приближающемуся человеку... Тогда Магда слегка побледнела.

— Бартек или не Бартек?

Женщина встала так порывисто, что корытце с картошкой упало на землю. Теперь уже не было никакого сомнения. Лысый прыгал, радостно лаял и, наконец, припал на грудь прибывшему. Магда бросилась вперед и закричала изо всей силы:

— Бартек! Бартек!

— Магда! это я! — ответил Бартек и прибавил шагу.

Через минуту супруги уже обнимались.

— А я уже думала, — захлебываясь, говорила Магда, — что ты не вернешься... Думала: «Убили его!..» Дай глянуть на тебя... Ты здорово похудел! Ну, слава богу, что ты, наконец, вернулся!.. Пойдем в избу... Франек в школе. Немец малость донимает детей. Мальчишка здоров, только глаза на выкате, как у тебя. Ой, пора тебе было вернуться, пора! У нас прямо горе-беда... Избенка стала плоха, на амбаре крыша разваливается. А сколько было у меня хлопот с

сеном!.. Хорошо еще, что Чемерницкие мне малость подсобили. Я так рада тебе, рада, что бог тебя уберег.

Бартек вернулся с войны настолько ослабевшим, что в течение нескольких дней не в состоянии был работать. Это было большим несчастьем для всего хозяйства, которому настоятельно требовались мужские руки. Магда управлялась как умела, работала с утра до ночи. Соседи Чемерницкие помогали ей сколько возможно, но все же этого было недостаточно, и хозяйство мало-помалу приходило в упадок. Кроме того, Магда задолжала немцу-колонисту Юсту. С полгода тому назад Магда заняла у него несколько десятков талеров: часть этой суммы пошла на хозяйственные нужды, а часть была послана Бартеку. Все это было бы ничего. Урожай выдался хороший, и долг можно было бы легко выплатить, лишь бы только взяться за работу по-настоящему. К несчастью, Бартек не мог работать. Магда не особенно доверяла его словам и ходила к священнику за советом, как бы расшевелить мужика, но Бартек действительно не мог работать, так как после каждой незначительной работы задыхался и чувствовал боль в костях. По целым дням он сидел на пороге избы и курил фарфоровую трубку с изображением Бисмарка в белом мундире и кирасирском шлеме, поглядывая на мир усталыми, сонными глазами. При этом он раздумывал частью о войне, частью о победах, о Магде, обо всем и ни о чем.

Однажды, сидя на скамье, он услышал плач Франека. Франек возвращался из школы и ревел во всю улицу. Бартек вынул изо рта трубку и спросил:

— Что с тобой, Франек? Чего ты реवेशь?

— Чего же мне не реветь, коли я получил по морде.

— Кто тебе дал по морде?

— Кто же, как не Бэге!

Бэге исполнял обязанности учителя в Подгнетове.

— А какое он имел право бить тебя по морде?

— Значит имеет, коли дал.

Магда, работавшая в огороде, перелезла через забор и с лопатой в руке подошла к ребенку.

— Что ты сделал? — спросила она.

— Ничего я не сделал. Бэге изругал меня польской свиньей, дал мне в морду и кричал, что теперь немцы, победив французов, имеют право колотить и нас. Я ему ничего не сделал, а только спросил он меня, кто самая важная особа на свете, а я ответил, что Святой Отец, тогда он дал мне в морду, я стал кричать, а он ругать меня польской свиньей и сказал, что как теперь они победили французов...

Бартек пришел в бешенство, вскочил и, пробормотав сквозь зубы: «Я с ним поговорю!» — отправился к учителю. Школа находилась тут же за костелом. Бэге стоял перед крыльцом, окруженным поросятами, которым он бросал куски хлеба.

Это был человек высокого роста, лет около пятидесяти, но еще крепкий, как дуб. Сам он был не особенно толст, только лицо его было очень полное да в больших рыбьих глазах отражались смелость и энергия.

Бартек подошел к нему и спросил:

— Ты это за что же, немец, бьешь моего ребенка? Was?

Бэге отступил на несколько шагов, смерил глазами Бартека и без малейшей боязни флегматично ответил:

— Вон, польский дурак!

— Ты чего ребенка бьешь? — повторил Бартек.

— Я и тебя, польский хам, бить буду. Теперь-то мы вам покажем, кто здесь хозяин. Ступай к чорту, жалуйся в суд... прочь!

Бартек схватил учителя за плечо, сильно встряхнул его и крикнул хриплым голосом:

— Да знаешь ли ты, кто я такой? Знаешь ли, кто французов поколотил? Знаешь ли, кто разговаривал со Штейнмецом? За что ты бьешь моего ребенка, швабская морда?

Рыбьи глаза Бэге загорелись не хуже, чем у Бартека, но Бэге был человек сильный и решил одним махом освободиться от нападающего.

Немец размахнулся и ударил по щеке победителя под Гравелотом и Седаном. Тогда Бартек вышел из себя и в свою очередь с поразительной быстротой раза два хватил по уху Бэге. Произошла непродолжительная борьба. В Бартеке снова проснулся неустра-

шимый победитель тюркосов и зуавов. Напрасно сын Бэге, парень довольно сильный, поспешил к отцу на помощь. Бартек свалил сына, а Бэге почувствовал себя поднятым на воздух. Бартек, вытянув руки вверх, нес его, сам не зная куда. К несчастью, около дома стояла бочка с помоями для свиней, сливаемыми про запас женою Бэге. Через минуту из этой бочки торчали только ноги Бэге, отчаянно болтавшиеся в воздухе.

— На помощь, спасите!

Это жена учителя выбежала из дому и завопила во весь голос.

Находчивая женщина не растерялась, она немедленно опрокинула бочку и вылила из нее своего мужа вместе с помоями.

Из ближайших домов немцы-колонисты спешили на помощь соседям.

Около двадцати немцев бросились на Бартека и стали его колотить палками и кулаками. Произошла общая свалка, все сбились в одну плотную массу, в которой уже трудно было отличить Бартека от врагов.

Бартек и не догадывался, какая гроза собирается над его головой. Наоборот, он совершенно спокойно ожидал благоприятного результата и был уверен, что выиграет дело в суде. Ведь Бэге побил его ребенка и даже первый ударил его самого, а потом на него напали толпою колонисты. Он принужден был защищаться. Притом ему расшибли голову камнем. И кому? Ему, фамилия которого часто упоминалась в приказах, ему, который выиграл битву под Гравелотом и с ко-

торым разговаривал сам Штейнмец, ему, который был награжден столькими знаками отличия! Бартеку казалось просто невозможным, невероятным, чтобы немцы не знали всего этого и решились обидеть его, как равно не укладывалось в его голове, чтобы Бэге имел право говорить подгнетовцам, что теперь немцы будут угнетать их за то, что они, подгнетовцы, так храбро сражались с французами. Но что касается его самого, то Бартек был глубоко убежден, что суд и правительство защитят его. Там ведь знают, кто он такой и что делал он на войне. Да и тот же Штейнмец вступится за него. Ведь он из-за этой войны обеднел и задолжал, и не могут же ему отказать в справедливости.

Между тем в Подгнетово за Бартеком приехали жандармы. Очевидно, они ожидали встретить страшное сопротивление, потому что их прибыло целых пять человек и все с заряженными ружьями. Они глубоко ошиблись: Бартек и не думал сопротивляться. Велено ему было сесть в бричку, — он сел. Только Магда пришла в отчаяние, то и дело повторяла:

— На кой чорт тебе надо было воевать с французами. Вот тебе и награда!

— Тише, глупая! — отвечал Бартек и по дороге весело улыбался встречным прохожим.

— Уж я им покажу, кого они обидели! — кричал он из брички.

И со всеми своими крестами на груди Бартек ехал на суд, как триумфатор.

Действительно, суд отнесся к нему довольно милостиво. Там признали наличие смягчающих вину обстоятельств, и Бартека присудили всего лишь на три месяца в тюрьму.

Кроме того, его приговорили к штрафу в сто пятьдесят марок в пользу семьи Бэге и других «оскорбленных действием колонистов».

И пришлось Бартеку сидеть в тюрьме, или, вернее сказать, лежать в тюремном госпитале, так как от удара камнем у него открылась рана, полученная на войне, и раздумывать о своих подвигах под Гравелотом, Седаном и Парижем. Между тем Магде пришлось очень туго: надо было внести штраф, заплатить долг немцу Юсту. Магда не знала, что ей делать, куда ей броситься. Пришлось снова занимать деньги у Юста под высокие проценты, и таким образом все хозяйство Бартека уже находилось в залоге у немца. Когда Магда, навестив Бартека в тюрьме, рассказала ему о всех невзгодах и затруднениях, победитель под Гравелотом схватился за голову.

— О боже! боже! — воскликнул он.

У Магды было доброе сердце, горе Бартека ее растрогало, и она сказала:

— Тише! Тише! Не хватайся за голову, коли рана еще не зажила. Был бы урожай! Рожь уродилась славная, прсто землю целовать хочется, пшеница тоже. Земля не немец, она не обидит. Хотя из-за твоей войны вспахано-то поле неважно, но хлебушко уродился.

Добрая Магда даже улыбнулась сквозь слезы.

— Земля не немец... — еще раз повторила она.

— Магда! — говорил Бартек, глядя на нее своими вытаращенными глазами. — Магда!

— Чего?

— Ты... ты такая... того...

Бартек чувствовал к ней великую благодарность, но высказать этого не умел.

IV

Спустя неделю Магда опять прибежала к Бартеку, но уже сияющая и счастливая.

— Как поживаешь, Бартек? — радостно воскликнула она. — Знаешь, приехал барин Яжинский. Женился в Царстве Польском, жена его, словно ягодка. А добра взял за ней всякого — ой! ой!..

Действительно, владелец Подгнетова женился и прибыл с женой в свое поместье. Магда говорила правду: он и на самом деле взял за ней много «всякого добра».

— Ну и что ж из того? — спросил Бартек.

— Молчи, глупый, — сказала Магда. — Ох!.. как же я запыхалась!.. Пошла я поклониться новой барыне, гляжу — выходит ко мне, ну словно королева какая-нибудь, молоденькая, как весенний цветочек, и красива, как та зорька... Платье голубое, как незабудки... Я ей в ноги... а она дала мне свою руку, я поцеловала ее, а ручки-то у нее пахучие и маленькие, словно у ребенка. Барыня добрая

и горе людское понимает. Я стала просить ее спасти нас... А она говорит: «Что я в силах буду сделать для вас, то сделаю». Голосок у нее такой нежный, приятный, заслушаться можно. Рассказала я ей, какой в Подгнетове несчастный народ живет, барыня заметила: «Эх, не только в одном Подгнетове»... Тут я не вытерпела, расплакалась, и она также, плачем обе, а тут входит барин. Вот она ему и говорит: «Милый, сделай для этой женщины, что можешь». А он отвечает: «Все сделаю, чего ты только, голубка, хочешь». А мне барин сказал: «Вы сами виноваты, потому что дали себя опутать немцам, но я все же постараюсь спасти вас и дам вам денег, чтобы вы расплатились с Юстом. Вот будут выборы, — сказал барин, — так нужно, чтобы вы все подавали голос не за немцев, а за своих. Денег на расплату с Юстом я дам вам и Бэге постараюсь усмирить». Барыня за это обняла его, а барин спросил про тебя и велел сказать тебе, что если ты болен, то он поговорит с доктором, попросит его написать свидетельство, что ты теперь не можешь сидеть в тюрьме. «Если его не освободят совсем от наказания, — говорил барин, — то он отсидит зимой, а теперь он нужен вам в хозяйстве, скоро жатва ведь». Слышишь? Вчера барин был в городе, а уж нынче доктор едет в гости в Подгнетово — барин его позвал. Доктор не немец и даст тебе свидетельство. Зимой будешь сидеть здесь, как король, будет тепло и жрать даром дадут, а теперь пойдешь домой на работу. Юсту долг

отдадим, может быть; барин даст денег без всяких процентов, а не придется расплатиться нам осенью, так я попрошу барыню подождать... Слышишь?

— Видно, правду сказать, добрая барыня, — весело промолвил Бартек, уже воспрянувший духом.

— Придешь, поклонись ей в ноги, а то я тебе голову сверну и всю твою паклю оборву. Лишь бы только был урожай! Теперь видишь, откуда спасение? Уж не от твоих немцев, что ли? Дали ли они тебе хоть грош за твои глупые медали? а? Дали тебе по башке, только и всего. Так поклонись ей в ноги? Слышишь?

— Отчего ж не поклониться? — глубокомысленно ответил Бартек.

Судьба, казалось, опять улыбалась победителю. Спустя несколько дней ему объявили, что вследствие болезни он освобождается из тюрьмы вплоть до зимы. Но перед выходом из тюрьмы ландрат призвал его к себе. Бартек стоял перед ландратом, вытянувшись во фронт и затаив дыхание, а ландрат что-то говорил повелительным тоном. Наконец ландрат заявил нашему герою, что в Берлине умер депутат и что на его места будут выбирать другого.

— Ты, польское животное, посмей мне только подать голос за господина Яжинского, посмей только!

Офицеры, бывшие у ландрата в гостях, грозно нахмурили брови, и один из них вслед за ландратом повторил: «Посмей только!»

В победителе дух замер. Услышав, наконец, желанное «пошел вон!», он сделал полоборота налево и, выйдя на улицу, с облегчением вздохнул. Ему было приказано подать голос в пользу Шульберга из Верхней Кривды. Над смыслом приказа Бартек не раздумывал много, ибо мысли его были заняты совершенно другим. Он радовался свободе, с наслаждением любовался на полосы зреющих хлебов и вслушивался в шелест колошьева.

«Ах, как хорошо жить на свете, — думал измученный солдат. — Ах, как хорошо! И до Подгнетова уже не далеко!»

V

Выборы! Выборы! Пани Мария Яжинская всецело занята ими, ни о чем ином думать не может, мечтает и говорит только о выборах. Все силы пани Яжинской направлены на агитацию.

В один день она успевает посетить больше десятка хат и так энергично бранит немцев, что муж должен ее сдерживать, хотя в сущности нет никакой опасности: крестьяне знают, что барыня добрая, входит во все их нужды, лечит больных, заботится о детях. Они с радостью встречают ее, приветливо улыбаются ей, целуют ее руки, потому что она такая красивая, миловидная, что куда ни войдет, у всех на душе становится светлее. Пани Яжинская заходит, наконец, и в хату Бартека. Лысый ее не пускает, но

Магда от радости бросает в него полотен.

— О, дорогая барыня! — восклицает баба, — ты моя красавица! ягодка ты моя! — и целует ее руки.

Бартек, согласно решению, падает к ее ногам. Франек сначала целует ее руку, а потом кладет палец в рот и замирает в созерцании прибывшей.

— Я надеюсь, — говорит после первых приветствий молодая барыня, — я надеюсь, Бартек, что вы подадите голос за моего мужа, а не за Шульберга.

— О, моя зорька! — восклицает Магда, — кто же станет выбирать Шульберга!

— Муж говорил мне, что он даст вам денег для того, чтобы вы могли расплатиться с Юстом.

— Да благословит его бог, — говорит Магда, а затем обращается к Бартеку: — Чего стоишь, как пень? Простите, барыня, он неразговорчив.

— Итак, вы подадите голос за моего мужа? — спрашивает пани Яжинская. — Не правда ли? Вы поляк, мы поляки, мы должны поддерживать друг друга.

— Я бы ему голову свернула, если бы он поступил иначе! — замечает Магда. — Ну, чего стал, словно пень? — Он страшно неразговорчив. Да шевелись же!

Бартек опять целует барыне руку, но упорно молчит и мрачен, как ночь. Ему вспоминается ландрат.

День выборов приближается и, наконец, наступает. Пан Яжинский уверен в победе,

пани Мария (волнуется и не может спокойно усидеть на месте.

В Подгнетово съезжаются соседи, «попрощаться с паном Яжинским», шутливо говорят они: ведь ему с женою придется теперь переехать в Берлин.

— Слава богу, мы еще живем, — говорит сосед из Мизерова.

Но вот к крыльцу подъезжает экипаж, и в залу входит священник, а следом за ним старый Матвей из Подгнетова.

— Здравствуйте, здравствуйте! — восклицают собравшиеся. — На чьей стороне большинство?

Священник с минуту молчит и затем резко бросает два жестоких слова:

— Выбран... Шульберг!

Все изумлены... Сыплется град тревожных вопросов, на которые священник опять отвечает двумя словами:

— Выбран Шульберг!

— Как? Что случилось? Каким образом?

В эту минуту пан Яжинский уводит из залы свою жену, которая почти падает в обморок, еле сдерживаясь от слез.

— О, несчастье! несчастье! — повторяют все присутствующие; хватаясь за головы.

Со стороны деревни доносятся песни и веселые восклицания. Это немцы так радостно празднуют свою победу.

Супруги Яжинские опять возвращаются в залу. Молодая хозяйка старается себя сдерживать и уже не плачет. Глаза ее сухи, только лицо сильно горит.

— Расскажите, как это вышло? — спокойно спрашивает хозяин.

— Как же могло быть иначе, — заявляет старый Матвей, — коли и здешние мужики подавали голоса за Шульберга.

— Кто такие?

— Как так здешние?

— А как же. Я сам видел, да и все видели, что Бартек Словик подал голос за Шульберга...

— Бартек Словик? — восклицает пани Яжинская.

— Да, теперь его односельчане бранят. Мужик валяется по земле, плачет; Магда ругает его на чем свет стоит. Но я сам видел, что он подавал за Шульберга...

— Такого мужика надо вон выпроводить из деревни, — замечает владелец Мизерова.

— Не один он, и другие, что вернулись с войны, также подавали за Шульберга. Люди сказывают, что им так было приказано... Ландрат приказывал...

В этот день невеселый был обед в подгнетовской усадьбе.

Вечером господа Яжинские уехали, но не в Берлин, а в Дрезден.

Между тем Бартек, измученный, осыпаемый бранью и проклятиями сельчан, сидел у себя в хате, чуждый даже собственной жене, потому что и она в этот день сторонилась от него и упорно молчала.

Осенью был хороший урожай, и Юст, отобравший землю у Бартека, радовался своей выгодной сделке с Магдой.

Спустя некоторое время из Подгнетова в город шло трое людей: мужик, баба и ребенок. Мужик осунулся, сгорбился и походил на изможденного старика, а не на здорового человека. Они шли в город, так как не могли найти работы в Подгнетове. Моросил дождь. Баба рыдала с горя и тоски по утраченной хате и деревне. Мужик молчал. На дороге было пусто, не видать ни одной телеги, ни единого человека. Дождь моросил все сильнее, тучи заволакивали небо, и постепенно темнело.

Бартек, Магда и ребенок шли в город: ведь победителю под Гравелотом и Седаном предстояло еще зимой отсиживать свой приговор в тюрьме по делу Бэге.

Господа Яжинские все еще находились в Дрездене.

Великое княжество Познанское — часть Польши, по решению Венского конгресса 1815 г. входившая в состав Пруссии. По Версальскому мирному договору, подписанному 28 июня 1919 г., великое княжество Познанское было освобождено и вошло в состав Польши.

Франко-прусская война 1870—1871 гг. — закончилась поражением Франции. После ряда поражений Франция должна была капитулировать и по миру, заключенному 10 мая 1871 г., лишилась Эльзас-Лотарингии.

Гравелот — деревня в Лотарингии (Франция), возле которой 16 августа 1870 г. произошло сражение между французами и пруссаками.

Царство Польское — часть Польши, по решению Венского конгресса 1815 г. входившая в состав России. По Рижскому договору, подписанному СССР и Польшей 18 марта 1921 г., эта область вошла в состав Польши.

Кирасиры — гвардейская кавалерийская часть.

Трехцветные французские знамена — состоят из цветов синего, белого и красного.

Тюркосы — стрелки во французской армии, комплектуемые из африканских туземцев.

Муза — каждая из девяти сестер-богинь, покровительниц науки и искусства в греческой мифологии.

Талер — старинная немецкая серебряная монета, равная трем маркам.

Зуавы — колоннальные войска во французской армии, комплектуемые из обитающего в Алжире племени зуауа.

Седан — город в северо-восточной Франции, возле которого 1 сентября 1870 г. произошло сражение

между французами и пруссаками, закончившееся капитуляцией французской армии.

Швабы — жители Швабии, области, входящей в состав Германии. В Польше словом «шваб» презрительно называют всех немцев.

Ландрат — начальник мелкого округа в Пруссии.

Редактор А. Мясников

Подписано к печати 23/III 1942 г. А50220. 1^{1/2} печ. л.
46784 зн. в печ. л. 1,1 уч.-авт. л. Тираж 25 000 экз. Цена 50 коп.
Зак. № 3304.

1-я Образцовая тип. Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига».
Москва, Валовая ул., д. 28.

П. 531

56

50 коп.